

- 1 MAR 1952

СС

Нам предъявляются огромные требования

В жизни Всеволода Вишневского, выдающегося советского писателя, драматурга и сценариста, годовщину со дня смерти которого мы отмечаем, всегда играли большую роль его устные выступления. Прирожденный оратор, горячий трибун, он из месяца в месяц, из года в год в тесном общении с массами оттачивал свое слово; он неизменно и безотказно выступал в воинских частях, в рабочих клубах, в военных академиях и в Союзе писателей, был постоянным участником творческих дискуссий. Этот род его деятельности уходит своим началом в далекие годы гражданской войны. «Восемнадцать лет я был ходом вещей двинут на трибуну, начал говорить...», — вспоминал он незадолго до смерти.

Собранные воедино, выступления Вс. Вишневского дают яркую картину его общественной деятельности. В них мы видим единую линию писателя-воина, писателя-борца, писателя-трибуна. В его выступлениях на литературно-критические темы ясно видна борьба

против эстетской критики, тревога человека, почувствовавшего еще в 30-е годы порочную линию не разоблаченных в то время критиков-космополитов, принципиальность писателя, неустанно борвшегося за право на новаторство в советской литературе.

В своих выступлениях по литературным вопросам Вишневский всегда помнил о возможности и неизбежности войны с фашизмом. На Первом всесоюзном съезде советских писателей он говорил:

«...Пишите о хрустале, о нежности, о любви и прочем. Но при этом никогда не забывайте, что мы должны держать в исправности наше оружие и хорошо знать тот приписной пункт, куда нам надлежит явиться в случае необходимости. Это полезно и необходимо».

Ниже печатается одно из выступлений Вс. Вишневского по вопросам драматургии.

П. ВЕРШИГОРА.

Сегодня на повестке дня стоит вопрос: первые итоги по выполнению решений ЦК ВКП(б) о репертуаре советского театра.

Что нами сделано для ликвидации тех серьезных недостатков, которые указаны в постановлении ЦК, и что нами еще не сделано?

Мне кажется, что шаги, которые нами предприняты, являются только началом. Мы еще не можем сказать Центральному Комитету партии, что все нами понято до конца и что на всех участках нашей работы идет движение вперед.

Хотелось бы видеть непрерывное развитие советской драматургии непосредственно от истоков классической русской драматургии, талантливой и самобытной. Новые формы нашей литературы ищут и должны итти от глубинных корней творчества нашего народа.

Посмотрите на путь русской драмы — Грибоедов, Гоголь, Островский, Чехов, Горький. Это драматургия особого типа. В стороне остаются символическое течение и другие влияния Запада. Здоровая реалистическая, органически русская, классическая драматургия их преодолела.

Чем была хороша наша классическая драматургия в целом? Смелостью! Постоянно смелым подходом к социальным проблемам и утверждением светлых начал, объективным утверждением действительности, страстной борьбой за правильные, здоровые формы народного бытия. И народ отвечал благодарностью своим драматургам, он запомнил и ввел в свой обиход ряд цитат из их произведений; это было народным признанием правды Гоголя, Грибоедова и других замечательных русских драматургов.

Чрезвычайно важна в русской классической драматургии, — и это должно нас неотступно волновать до тех пор, пока эта задача не будет решена и нами, — бесконечная смелость в выборе жанров. От водевиля, который перестраивается на особый, русский национальный лад, от обличающей сатирической комедии чрезвычайной остроты до поисков и создания исторической трагедии (Пушкин).

Можем ли мы сейчас сказать, что формы наших драматургических произведений разнообразны и широки? К сожалению, сейчас этого сказать нельзя. Драматургия наша пошла в сторону средней драмы, мелодрамы, забывая о многих других жанрах, находящихся в нашем огромном национальном драматургическом арсенале...

Очень занимает меня (и, я думаю, многих других драматургов) мысль о необходимости серьезного научного исследования всего пути становления и развития русской драматургии.

Во время войны драматурги и театр сделали все, что было в их силах. Затем наступили осенне-зимний период 1945 года, сезон 1946 года, весна 1946 года, лето 1946 года. Здесь, к сожалению, некоторые деятели театра и драматургии (и мы

Из выступления Вс. Вишневского на заседании бюро секции драматургов ССП с активом 4 мая 1947 года

ответственны за это) потеряли правильную ориентировку. К сожалению, ряду товарищей показалось, что народ устал и что поэтому нужно переходить к жанрам развлекательным.

Кто и когда сказал, что наш народ устал?

Кто сказал, что наш могучий народ, спасший мир от фашизма, народ, который встает к новым пятилеткам, вперед, мечтает лишь о курортах и забавах?

Это было, очевидно, придумано в кабинетах некоторых драматургов, а сам народ об этом и не помышляет!

Восемь месяцев тому назад ЦК партии указал нам на наши ошибки, и сейчас мы должны проверить, что же нами уже сделано. Перестраиваться, действительно, пришлось серьезно и в первую очередь в кратчайший срок произвести перестройку репертуара театров. Решения ЦК дали серьезную ориентировку; решения ЦК были вынесены с учетом всей международной обстановки. Вспомните выступление товарища Сталина в 1946 году, 9 февраля, на предвыборном собрании, его выступление, незабываемое по силе, по масштабу, с характеристикой итогов войны, выступление, в котором он развернул план трех пятилеток с конкретными цифровыми установками. 23 февраля товарищем Сталиным в его письме полковнику Разину дается новая, широкая, научно-теоретическая постановка ряда военных вопросов...

Затем мы прочли беседу товарища Сталина с корреспондентом «Правды» — отклик на фултонскую речь Черчилля. Такие вещи полезно внятно перечитать, чтобы окончательно понять, что наши августовские встречи в ЦК ВКП(б) не прошли внезапно. Нет! Это единая органическая линия указаний нашей партии по всему идеологическому фронту! Она касалась и международных, и философов, и экономистов, и писателей.

Бесготовность, «быть начеку», крайнее, святое, настоящее упорство, с которым идет новый великий социалистический мир, — вот к чему сейчас призывает нас наша партия.

Народ хочет видеть не мелодраматические пьесы, а вещи, отражающие страстность советского народа, сознающего свои силы, который так же велик в созидательном труде, как и в войне. Это надо глубоко понять. Об этом мы должны писать.

Стыдно и горько то, что мы 50 процентов театрального репертуара отбали переводным вещам.

К нам предъявляются огромные требования. Мы, драматургов, обгоняют сейчас прозаики. Проза по-

добно уверенной в себе русской пехоте начала сейчас свое наступление. Это движется вперед социалистическая литература мирового значения. След за старыми кадрами пришли молодые. Приходят совершенно неведомые нам люди. Они сейчас задают тон, несут правду в искусство. Не фактографическую «правдочку», а большую правду, за которую отдавали кровь, жизнь и творили настоящие подвиги наши люди!

Мы, писатели, — очень мобильный «вид оружия». Казалось бы, мы всегда сильны своими публицистическими выступлениями. Как обильен Симонов! В один год он объехал весь мир. У него громадный материал. И хотя очень тяжело писать в два-три часа ночи, после окончания текущей работы, но он находит верный прицеп и дает пьесу, которая бьет в точку.

Ценю Николая Вирту, он написал резкую, страстную пьесу, вложил в нее свои политические сны, свое знание крестьянства.

Иногда мы выступали так, что наши вещи приобретали громадный резонанс в стране, многие наши вещи перехлестывали через рубежи нашей страны.

Нужно подумать о степени нашей готовности, о тех вкладках, которые мы сделали в советское искусство, в кинематографию за последнее время.

И что же, разве уже иссякли силы наших драматургов? Может быть, есть внутренние помехи или внешние? Давайте сегодня выясним все вопросы, чтобы наше обсуждение принесло пользу большому делу, которое нам поручено ЦК. Без решения этих вопросов, без абсолютно ясных решений двинуться дальше нельзя. Кулуарные разговоры ни к чему, — могут разговоры с партией, помогают желание работать.

Мы обязаны двинуть драматургию вперед во что бы то ни стало! Если драматург напишет острейшую сатиру на тех, кто подхалимствует перед Западом, ему скажут спасибо. Хотелось бы, чтобы драматурги вырвались из представлений обычного порядка. Вель жизнь нашей страны дает нам такой материал, какого мир еще не знал.

Если пьеса помогает нашему общему делу, тогда она нам нужна. Но нам не нужны появившиеся у нас формулировки: рабочая пьеса, колхозная пьеса и еще какая-то. Давайте зачеркнем это.

Что «Егор Булычов» Горького — разве это «купеческая» пьеса? Откуда пришли эти ярлычки? Откуда все это пришло? Надо побольше пьес о нашем наступающем талантливым народе, который без пердышки идет дальше. Мы должны показать, куда он идет и на что он способен.

Драматургию надо поднимать на новую ступень!

Для смелого советского народа не годятся несмелые драматургии. Это, по-моему, надо раз навсегда усвоить.